

Миле Белаяц

**НАПРАВЛЕНИЯ РЕВИЗИИ ИСТОРИИ
СЕРБСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ:
ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ МИРОВЫЕ ВОЙНЫ**

Сразу определимся, какая ревизия и чьи попытки пересмотреть историю российско-сербских и советско-югославских отношений в период мировых войн находятся в центре нашего внимания. Увы, речь не идет о том плодотворном процессе в исторической науке, в результате которого открываются новые, прежде не известные факты, расширяющие наши представления о прошлом. Мы рассмотрим иные тенденции, присутствующие в европейской и сербской историографии, которые за последние пять лет удалось выявить мне и моим коллегам. Как и в межвоенное время, предпринимаются квазинаучные усилия, нацеленные не на обретение новых знаний, а на то, чтобы переложить ответственность за развязывание Первой мировой войны на противоположную сторону или, по крайней мере, доказать, что виноваты в равной степени все государства, в ней участвовавшие. Бросается в глаза желание представить Балканы и Сербию в качестве главной причины войны и выстроить причинно-следственную вертикаль от 1914 г. до войн, разразившихся на территории Югославии в 1990-е гг.

В условиях новой политической реальности, грозящей возобновлением Холодной войны, Россия, как и Сербия, называется главным виновником роковых событий столетней давности. Что касается сербской историографии, то в ней, наряду с серьезными результатами, можно обнаружить примеры поверхностности и конъюнктурности. Некоторые авторы без должного внимания отнеслись к имеющимся основополагающим достижениям сербской исторической науки (включая

военно-историческую литературу), а также некритически восприняли спорные, ущербные в логическом отношении трактовки. В настоящее время имеется немало работ, посвященных их разоблачению. Появляются и новые исследования, приливающие свет на историю взаимоотношений двух народов. Надеемся, что они будут пользоваться заслуженным вниманием¹.

Во второй части настоящей статьи мы покажем, к каким кардинальным и стремительным переменам может привести идеологическое воздействие, нацеленное на изменение исторической памяти о совместной борьбе двух народов в годы Второй мировой войны. То, что сегодня не подлежит сомнению, завтра как будто не существует. Однако это не значит, что оно не воскреснет снова, только если нам понадобится.

Правда ли, что в 1914 г.

Россия подстрекала Сербию к войне?

Теме пересмотра причин Первой мировой войны я посвятил целую монографию и немало статей, опубликованных по всему миру. Пять или шесть лет назад группа белградских историков, а также некоторые наши зарубежные коллеги обратили внимание общественности на то, что столетняя годовщина войны может стать поводом для серьезной ревизии ее причин и поводов, а также для того, чтобы Сербию, превратившуюся в 1990-е гг. в балканского парию, объявить главным виновником ее развязывания. Мы начали интенсивно знакомиться с книгами, выходившими в 1992–1994 гг. и приуроченными к 90-й годовщине конфликта. Уже тогда релятивизация ответственности агрессоров наводила на мысль о возрождении ревизионизма, на этот раз преисполненного духом Новой Европы, объединившейся в Европейском союзе. Что касается пересмотра роли Сербии, то современные ревизионисты, голоса которых становились все громче, опирались на «достижения» своих межвоенных предшественников. Вскоре, как само собой разумеющееся, стал обсуждаться вопрос, как Сербия, а потом и Россия оказались главными виновниками международного кризиса, приведшего к войне.

Озабоченность в связи с предстоящей 100-летней годовщиной Первой мировой войны усилилась после 100-летней

годовщины Балканских войн, ознаменованной ревизией истории Османской империи, в целом, и младотурецкого режима, в частности. На многочисленных конференциях в Стамбуле и Сараево звучала апологетика толерантной мультиэтничной и мультирелигиозной Османской империи, которую, начиная с 1878 г., разрушали националистические движения злобных балканских народов, наплодивших, вместо уничтоженного ими содружества наций, собственные мелкие государства. Их междоусобная вражда вплоть до 1990-х гг. служила главной причиной всех войн и кризисов². В то же духе писали и об Австро-Венгерской монархии – движущей силе порядка, мира и модернизации³, защитнице права албанцев на обретение собственного государства.

При этом участники научных мероприятий закрывали глаза на геополитические планы Австро-Венгрии и Германии, на развитие турецкого национализма. Одновременно игнорировались и усилия России, предостерегавшей государства Балканского союза от вступления в войну, которая могла бы привести к столкновению великих держав.

В то время как некоторые неудобные факты прошлого замалчивались, другие активно педалировались. Как, например, начавшиеся именно в эту эпоху преследования балканских мусульман. Их рассмотрение явило очередной пример выборочного подхода к истории. Так, обойден вниманием период 1875–1878 гг., а также все более поздние восстания и войны. С удивлением приходилось читать, что только с Балканских войн началось разрушение миролюбивого царства – Османской империи. Сборник статей, опубликованный в издательстве Университета штата Юта, гласил: «Договор (1878 г. – М.Б.), утвердив новый принцип унитарного национального государства, посеял семя будущих конфликтов – от Балканских войн 1912–1913 гг. и Первой мировой войны, до современных гражданских войн и этнических чисток на территории бывшей Югославии. Тяжесть понесенного Турцией поражения... и территориальных потерь оказалась фатальной для проекта мусульманских либеральных реформ и модернизации, начатой Османской империей в середине XIX в.». Вина за столь прискорбный ход событий, разумеется, лежит на преисполненных национализма малых балканских государствах, а так-

же на их восточном покровителе. Под этими инсинуациями стоят подписи профессоров Юты, Индианы, Стэнфорда⁴.

Когда заходит речь об Июльском кризисе 1914 г., неизменно утверждается, что Россия подговаривала Сербию не соглашаться с австро-венгерским ультиматумом. Более того, в деталях описывается, что официальный Белград в последний день того срока, что отводился на раздумья (до шести часов вечера 25 июля), вплоть до раннего послеполуденного времени был готов принять все пункты ультиматума и устранить причину войны. Однако, все испортила фатальная телеграмма посланника в Петербурге Спалайковича, в которой говорилось о безусловной поддержке Сербии со стороны России, приступившей к мобилизации своей армии. Это, дескать, побудило сербские власти изменить позицию и отвергнуть некоторые условия. Дабы представить события того судьбоносного дня в этом духе, историку Кристоферу Кларку пришлось солгать о содержании не только инструкций Николы Пашича, отправленных сербским дипломатическим представителям вскоре после полудня (в них они информируются о деталях и характере сербского ответа), но и донесения британского поверенного в делах в Белграде. Оба документа показывают, что около полудня была сформулирована окончательная официальная позиция в отношении ультиматума. Выполнение двух его пунктов обуславливалось дополнительными разъяснениями и позицией Великих держав. В более поздние часы ничего не изменилось. До передачи ответа на ультиматум не поступало каких-либо телеграмм от Спалайковича, в которых говорилось бы о позиции Сазонова и результатах заседания российского правительства⁵.

Кларк дословно пишет: «25 июля Пашич составил телеграмму в сербские посольства, в которой говорилось, что Белград собирается в своем ответе “занять примирительную позицию по всем пунктам” и предложить Вене “полное удовлетворение”... на тот момент сербы были готовы принять даже пресловутые пункты 5 и 6, требуя “гарантий соблюдения международного права” при формировании смешанной комиссии, ответственной за расследование». Однако, затем наступила перемена, которую автор объясняет следующим образом: «По-видимому, новости из России развеяли фаталистические настроения в Белграде, и министры решили отказаться от того,

чтобы принять все требования ультиматума и попытаться предотвратить войну»⁶.

Сразу оговоримся, что Кларк неоригинален. Первой эти утверждения озвучила австрийская пропагандистская школа в начале 1930-х гг.⁷ Ее представителей отчасти извиняет то, что они не располагали тогда источниками, введенными в научный оборот к настоящему времени. Кларку оправдываться нечем.

Дабы разоблачить его ревизионистские потуги, приведем чуть больше подробностей событий, о которых идет речь. В отсутствие Пашича заменявший его министр Лазар Пачу, приняв 23 июля 1914 г. австрийский ультиматум, сразу пригласил российского поверенного в делах Штрандтмана, чтобы ввести его в курс дела и посоветоваться. Штрандтман, не имевший каких-либо инструкций, попытался ночью передать содержание ультиматума в Петербург шифрованной телеграммой. Однако из-за саботажа со стороны австро-венгерского телеграфного агентства информация дошла до российской столицы уже после того, как Сазонов 24 июля до полудня узнал о тексте ультиматума от австро-венгерской стороны. Вечером 23 июля в российскую миссию приехал и принц-регент Александр, пребывавший в состоянии неуверенности и озабоченности. Узнав мнение Штрандтмана о происходившем, престолонаследник снова попросил ускорить предоставление Россией 120.000 винтовок, о чем Сербия просила еще в феврале. Собеседники сошлись во мнении, что имеет смысл обратиться за посредничеством к итальянскому королю, с которым Александр был в родстве.

Вернувшись 24 июля до полудня в Белград, Пашич после встречи с министрами приехал в Штрандтману, который все еще не получил указаний из Петербурга. Сербский премьер-министр сообщил, что согласился с тем, что следует обратиться к итальянскому монарху. По поводу защиты перед лицом Австрии, которую Сербия искала у великих держав, он фаталистично предположил, что «все они, по-видимому, откажут в ней... Если война неизбежна, нам придется воевать, безотносительно того, какой ответ королевич Александр отослал (отошлет) императору». Что касается военных мер, то было принято решение об активации войск первого призыва. Па-

шич принес с собой подписанную Александром телеграмму русскому царю, которую он хотел передать не собственному посланнику в Петербурге, а через российское посольство.

В двух телеграммах Пашич поручает Спалайковичу расспросить, какую позицию займет Россия в случае конфликта, и можно ли рассчитывать на ее поддержку. Посланник проинформирован о содержании разговора главы сербского правительства со Штрандтманом: «Я сказал ему, что сербское правительство попросит дружественные государства защитить независимость Сербии. Если войны не миновать, добавил я, Сербия будет сражаться».

Сохранилось несколько телеграмм, отправленных в те два роковых дня посланником в Петербурге Спалайковичем. Первая, которая хранится в Архиве Сербии, написана после разговора с Сазоновым 24 июля 1914 г. Его корректно воспроизводит авторитетный белградский историк Никола Б. Попович: «После заседания Сазонов встретился со Спалайковичем, который о содержании их беседы телеграфировал Пашичу. По словам посланника, Сазонов с отвращением осудил ультиматум, который ни одно государство не смогло бы принять, если только оно не собиралось бы покончить с собой. Министр заявил, что Сербия, несомненно, вправе рассчитывать на помощь России, но не уточнил характер этой помощи, решение о которой должен принимать царь по результатам консультаций с Францией. Сазонов, предпринявший энергичные шаги в Вене и Берлине, советовал Сербии осудить гнусное преступление, совершенное в Сараево, и заявить о готовности предать суду любого своего подданного, если будет доказано его участие в покушении»⁸. Кроме того, Спалайкович сообщил, что Сазонов упомянул депешу Штрандтмана, из которой следует, что Сербия пребывает в унынии в связи с отсутствием оружия и боеприпасов и обусловленной этим невозможностью оказать должное сопротивление. Говоря об этом, Сазонов предположил, что Сербии имело бы смысл воззвать «к чувствам справедливости и гуманности, присовокупив к этому заявление, что не может и не станет с оружием в руках защищаться от такой великой державы, как Австро-Венгрия, которая в 11 раз крупнее крохотной Сербии. Таким образом, министр советует нам условно следующее: если не можете защищаться, посту-

дите так, как Болгария в прошлом году. Результатом стало бы осуждение Австро-Венгрии со стороны всех народов. В этом смысле он телеграфировал поверенному в делах в Белграде. Я ему ответил, что его совет имел бы практический смысл, если бы мы могли рассчитывать на то, что Австро-Венгрия вторгнется только в приграничные районы. Она разорит всю страну, чего мы не можем допустить. Нам пришлось бы где-то во внутренних районах организовать оборону и принять бой... Я сказал министру следующее: *войну удастся предотвратить, только если Россия заявит Австро-Венгрии и Германии, что вынуждена будет объявить всеобщую мобилизацию* (курсив мой – М.Б.), если сербско-австрийский спор не будет вынесен на суд великих держав, как это уже было в 1909 г. Сделанное тогда Сербией заявление – плод усилий великих держав, которым принадлежит исключительное право судить, выполнила ли Сербия обязательства, перечисленные в той декларации. Решение относительно этого министр примет сегодня вечером и объявит о нем в коммюнике»⁹. Эта объемная телеграмма состояла из двух частей. Первая поступила в 4.17, а вторая в 10 утра 25 июля.

В следующей телеграмме отражена позиция, о которой российское руководство проинформировало Австро-Венгерского посла 25 июля. Упоминается и официальное коммюнике правительства, принятое по результатам послеполуденного заседания: «Российский министр иностранных дел заявил австро-венгерскому послу, что ультиматум носит в высшей степени угрожающий характер. Общее мнение таково, что Сербия не может принять требований Австро-Венгрии. Совет министров решил принять энергичные меры, вплоть до мобилизации. Ожидается решение царя. Сейчас ожидается официальное коммюнике, в котором будет сказано, что Россия берет Сербию под свою защиту. Спалайкович»¹⁰. По вопросу датировки и содержания этой телеграммы историки до сих пор ломают копья. В опубликованной форме она датируется 24 июля и якобы поступила в Белград 24 июля около 11 часов утра. Однако, это неверно, если судить по содержанию. Если принимать его во внимание, нельзя просто переставить дату на 25 июля, как это сделал К. Кларк, тоже обративший внимание на то, что с датировкой документа не все в порядке.

Добавим еще некоторые детали. На заседании правительства, которое состоялось 24 июля после полудня, и на котором не присутствовал царь, принято следующее решение (пункт 2-й): «Рекомендовать сербскому правительству не сопротивляться, если Сербия не в силах защитить себя от возможного вооруженного нападения Австро-Венгрии, и заявить, что покоряется и предает участь свою на суд великих держав»¹¹.

Согласно донесению, которое французский посол в Петербурге отправил в Париж после заседания правительства, Сазонов поведаль ему, что постарается добиться от Вены продления срока ультиматума, чтобы обеспечить державам время для изучения документа. На следующий день (25 июля) должно состояться заседание Совета министров под председательством царя. Российский министр иностранных дел сказал французскому представителю, что предложит избегать всего, что может ускорить протекание кризиса. Пускай венский кабинет погрязнет в собственной ошибочной политике. Глава МИДа также считает, что, если австро-венгерское правительство перейдет к решительным действиям, Сербия не должна сопротивляться оккупации, дабы весь цивилизованный мир удостоверился в злонамеренности Австрии¹².

Коммюнике, упоминаемое Спалайковичем, действительно было опубликовано. 25 июля под вечер, когда австро-венгерский посланник уже разорвал дипломатические отношения с Сербией, поверенный в делах Штрандтман записал, что получил телеграмму новостного агентства с заявлением российского правительства, сделанным в тот же день по итогам заседания: «Правительство весьма озабочено наступившими событиями и посылкой Австро-Венгрией ультиматума Сербии. Правительство зорко следит за развитием сербско-австро-венгерского столкновения, к которому Россия не может оставаться равнодушной»¹³.

В связи с заседанием совета министров (25 июля) французский посол в Петербурге в 18.22 докладывал руководству, что принято принципиальное решение о мобилизации 13 корпусов, которые, вероятно, будут задействованы в операциях против Австро-Венгрии. Мобилизация не будет осуществляться и объявляться до тех пор, пока австро-венгерское правительство не совершит вооруженное нападение на Сербию. Тайные

приготовления к мобилизации начнутся более или менее безотлагательно (сегодня). Поэтому, если приказ о мобилизации и последует, все тринадцать корпусов сразу отправятся на галицийскую границу. Однако в наступление они не перейдут, чтобы не давать повода Германии, и чтобы не наступил *casus foederis*¹⁴.

Чтобы развеять кривотолки относительно того, какое влияние оказал на позицию Сербии Николай II, рассмотрим, когда он получил обращение престолонаследника Александра, и когда в сербскую столицу поступил высочайший ответ. Телеграмма, тормозившаяся, как и все сербские зашифрованные послания, дошла до царя 26 июля – спустя два дня после отправления. К этому моменту уже наступил разрыв отношений между Сербией и Монархией. Известна запись, оставленная Николаем на полях: «Очень скромная, заслуживающая уважения телеграмма. Что ему ответить?» (Петергоф, 26(13) июля 1914 г.)¹⁵. Итак, к этому времени Монархия уже разорвала отношения с Сербией. Когда ответ 28(15) июля прибыл в Ниш, Вена уже объявила войну Белграду. Штрандтман в своих воспоминаниях приводит текст телеграммы, которая шла более суток: «... Теперешнее положение вещей привлекает мое самое серьезное внимание, и мое правительство прилагает все усилия, дабы устранить настоящие затруднения. Я не сомневаюсь в том, что Ваше Высочество и королевское правительство проникнутся желанием облегчить эту задачу, не пренебрегая ничем, чтобы придти к решению, которое, сохраняя достоинство Сербии, позволило бы предупредить ужасы новой войны. Пока есть малейшая надежда избежать кровопролития, все наши усилия должны быть направлены к этой цели. Если же, вопреки самым искренним нашим желаниям, мы в этом не успеем, Ваше Высочество может быть уверенным в том, что ни в каком случае Россия не останется равнодушной к участи Сербии»¹⁶.

Эта телеграмма, однозначно, не повлияла на позицию сербского правительства, отраженную в ответе на австрийский ультиматум. Тем не менее, сложно переоценить значение моральной поддержки, оказанной Сербии, которая уже находилась в состоянии войны.

Следует обратить внимание еще на один подлог, который часто используется для аргументации тезиса о российско-

сербском заговоре. Источник мистификации – письма, которые арестованный полковник Драгутин Димитриевич-Апис адресовал Военному суду в Салониках, а также регенту Александру в апреле 1917 г. Находившийся в экстремальных обстоятельствах, преисполненный желанием спасти жизни Раде Малобабича и Мухамеда Мехмедбашича, тоже находившихся под арестом, Апис взял на себя ответственность за Сараевское покушение, а своих бывших агентов назвал исполнителями его воли. Одно из писем гласит: «Пребывая в смятении от обвинений в совершении покушения на Ваше Высочество... я с ужасом наблюдал, как на скамью подсудимых посадили еще двух лиц из моего окружения... Первый, Ваше Высочество, по моему приказу осуществил подготовку покушения в Сараево, а второй – единственный серб-мусульманин, который участвовал в покушении и избежал австрийского суда, бежав к нам... Не допустите того, чтобы сербский военный суд для офицеров вынес приговор, завершив начатое австрийским сараевским судом»¹⁷.

Более обширным было письмо суду, в котором Апис описывает роль российского военного агента Артамонова: «Как шеф Разведывательного отдела Главного генштаба я привлек Раде Малобабича, чтобы он организовал для меня сеть информаторов в Австро-Венгрии. К чему он и приступил. Я это сделал по договоренности с российским военным агентом г. Артамоновым, который лично встречался с Раде в моем присутствии. После того как Раде взялся за работу, я, осознавая, что Австрия готовится к войне с нами, пришел к выводу, что исчезновение австрийского престолонаследника Фердинанда ослабит военную партию, и течение, во главе которого он был, хотя бы на время, утратит свою силу. Поэтому я привлек Малобабича, чтобы он во время назначенного приезда Фердинанда в Сараево организовал на него покушение. Окончательное решение я принял, только когда Артамонов заверил меня, что Россия нас не оставит беззащитными в случае нападения Австрии. Г. Артамонову я тогда *не сообщил ничего о моем намерении совершить покушение* (курсив мой – М.Б.). Повод узнать его мнение о позиции России представился, когда зашла речь о том, что наша разведывательная деятельность может быть использована Австрией как предлог для нападения. Малобабич выполнил мое

поручение и совершил покушение. Его главные исполнители состояли у меня на службе и получали небольшое вознаграждение, которое я им отправлял через Малобабича. Некоторые их расписки находятся у русских, так как деньги для выполнения замысла я получал от г. Артамонова, а генштаб еще не имел кредита для подобной расширенной деятельности»¹⁸.

Это письмо Драгутина Димитриеви́ча Аписа Военному суду, написанное 28 марта/10 апреля 1917 г. опубликовано в Германии в 1943 г. При этом в переводе намеренно или непреднамеренно допущена ошибка. Слова Аписа «не сообщил ничего (Артамонову – М.Б.) о моем намерении» переведены как «об этом проинформировал». Эту инкриминирующую фальшивку состряпал Ганс Юберсбергер, опубликовавший в своей книге о внешней политике Сербии письма, обнаруженные в 1942 г. в спрятанном под землей архиве двора. К своему несчастью историк-ревизионист разоблачил сам себя, напечатав и факсимиле оригинала на сербском, из которого следует, что перевод неверен¹⁹.

Исходя из того, что нам сегодня известно о Сараевском покушении, мы можем с уверенностью утверждать, что Апис преувеличил свою роль в нем. Так как на суде об этом речь не шла, не было и очных ставок со свидетелями, которые бы уже тогда продемонстрировали несостоятельность многих слов Димитриеви́ча. Как, например, утверждения о гонорарах, получаемых младобоснийцами, которые, на самом деле, испытывали острую нужду, особенно Принцип. В корне неверно принимать на веру аписовские заявления, как это делали ревизионисты и вслед за ними некоторые сегодняшние сербские историки. Следовать их логике возможно, только если абстрагироваться от всего исторического контекста или сознательно его замалчивать²⁰.

В межвоенное время сам генерал Артамонов дал в немецких журналах ответ на некоторые обвинения в свой адрес. Уже тогда он отрицал какое-либо участие в заговоре²¹. Тем не менее, легенда о роли Артамонова усилиями хорватского писателя Мирослава Крлежи обрела вторую жизнь в Югославии после Второй мировой войны²².

Следует отметить, что политически мотивированный ревизионизм, в котором соучаствуют историки, возник отнюдь

не сегодня. Даже в странах-союзницах он присутствовал как в межвоенное время, так и после Второй мировой войны. Холодная война побуждала страны Западной и Центральной Европы оставить в прошлом дурные воспоминания друг о друге. Историческая правда не могла не пострадать от взаимных уступок.

И тогда, и сегодня некоторые западные коллеги рассказывают, будто Россия могла избавить мир от войны и страданий, если бы оставила Сербию на произвол судьбы. Забывается, что и во время Июльского кризиса, и после вручения ультиматума Россия многое предприняла, чтобы решить спор мирным путем. Белград с тревогой выслушал весть о том, что вооружения, в которых он отчаянно нуждался, не будут предоставлены вплоть до прояснения ситуации. Петербург и таким способом старался продемонстрировать Вене и Берлину свою добрую волю. Отправка оружия задерживалась, чтобы не дать повода истолковать этот шаг превратным образом. Сербии пришлось вступить в войну с ужасающим дефицитом в 1/3 от количества винтовок, необходимого для вооружения мобилизованных резервистов.

Сербии рекомендовано быть уступчивой настолько, насколько это возможно для суверенного государства. Кроме того, российский поверенный в делах получил указание, если состоится нападение, советовать сербскому правительству не оказывать сопротивление, а, отведя войска на юг, потребовать арбитража великих держав. Тот же вариант как свое личное мнение Сазонов предлагал Спалайковичу. Сербский посланник предупредил, что подобное поведение чревато опасностями, и убеждал собеседника в том, что Россия скорее защитит мир, если продемонстрирует готовность в случае агрессии Австро-Венгрии провести мобилизацию и вступить в войну. Т.е. попытается отвести Вену от необдуманных поступков. Россия уже предпринимала некоторые шаги в этом направлении, но, как это стало очевидным впоследствии, фактор предотвращения устрашением не стал действенным. Противоположная сторона стремилась к войне любой ценой, с чем не станет спорить ни один добросовестный историк. Слишком много источников свидетельствуют об этом.

Российские и советские союзники Сербии

Как в Сербии «вспоминают» военное союзничество, как интерпретируют, и какую общественную роль играет культура вспоминания? Мне кажется, что в новейшее время, когда Сербия проходит через череду испытаний, от которых зависит само ее существование, русский фактор снова приобрел былое значение. Не забывая о совместной борьбе во Второй мировой войне, мы вспомнили о боевом братстве и поддержке, оказанной Россией Сербии в Первую мировую. Недавно в центре Белграда, на том месте, где когда-то стояло здание российского посольства, воздвигнут памятник царю Николаю II. Начата реставрация российского мемориала, установленного на Новом кладбище еще в Королевстве Югославия. Не так давно прошли мероприятия в окрестностях г. Алексинац – на том месте, где находился первый памятник русским добровольцам, павшим в борьбе за независимость Сербии в 1877–1878 гг. Памятник сооружен в 1880 г., а недалеко от него до сих пор стоит церковь, построенная в память о погибшем здесь графе Раевском²³. Однако, как мы покажем, бывало и по-другому. К союзничеству военных лет не всегда подходили последовательно. Его оценка неоднократно менялась на прямо противоположную.

Что касается российских друзей и союзников, на которых Сербия опиралась накануне и во время Первой мировой войны, то уже в годы Второй мировой войны, во время немецкой оккупации переименована улица Гартвига (1943), а после освобождения – улица Царя Николая II (1946), которая вела от площади Славия к Красному кресту²⁴.

Историк Ольга Манойлович-Пинтар указывает в своих работах, что первые мемориальные сооружения, посвященные освобождению страны в 1944–1945 гг., устанавливались в честь красноармейцев, а не героев Народно-освободительной войны (НОВ). Еще продолжались боевые действия, а уже появились первые памятники, которые сооружали как Советы, так и югославы. 28 октября 1944 г. первую новость об этом напечатала только что возобновившая выпуск ежедневная газета «Политика», сообщавшая о похоронах и строительстве памятника красноармейцам, погибшим при освобождении города. В траурной церемонии, состоявшейся на Театральной площади (сегодняшняя Площадь республики), приняли

участие советские и партизанские командиры дивизий и корпусов. «Так – пишет Манойлович – начался период популяризации новых политических отношений. При этом акцент делался на братских чувствах славянской взаимности». Сам памятник, как и остальные, появившиеся в Сербии, отличался скромными размерами и почти полным отсутствием декоративных элементов. Присутствовали лишь основные символы: доминирующая пятиконечная звезда, часто с серпом и молотом. И, неизменно, крест. Торжественные церемонии открытия памятников, как правило, сопровождались освящениями и отпеваниями, которые совершались священниками Сербской православной церкви. По сравнению с коллосальными монументами советским воинам в Вене, Берлине или Кенигсберге, скромные сербские памятники больше способствовали развитию сердечных отношений двух народов, так как служили местом проведения разного рода массовых торжественных мероприятий. Только с появлением монумента на Батине, Красной армии будут возданы должные почести, подобные тем, которые в 1930 г. власти Королевства Югославия оказали своим союзниками по Первой мировой войне, установив Памятник благодарности Франции²⁵.

Разразившийся в 1948 г. государственно-партийный конфликт между Югославией и СССР привел к временному запрету на упоминание заслуг Красной армии и жертв, принесенных ею во имя освобождения Белграда.

В 1951–1952 гг. жители Белграда по утрам обнаруживали, что за ночь изменились таблички на улицах, названия которым присваивались в эйфорической обстановке боевого и идеологического братства. Исчезли улицы генерала Владимира Жданова и маршала Толбухина, бульвары Красной армии и Советской армии (в Земуне). Не стало улиц Сталина (в Земуне), Сталинградской и Московской. Уцелел только Ленинский бульвар (с 1947 г.), имя которого в обстановке идеологических разногласий символизировало приверженность КПЮ принципам ленинского учения.

Через год после смерти Сталина знаком готовности к восстановлению отношений стало перенесение всех останков красноармейцев и партизан на Кладбище освободителей Белграда, на котором к десятой годовщине освобождения сто-

лицы (1954) появились монументальные памятники. Открывал Кладбище освободителей сам Йосип Броз Тито. В 1957 г. в белградском районе Дединье появился Бульвар Октябрьской революции²⁶, что также отражало советско-югославское сближение. После случившейся в 1964 г. на горе Авала авиакатастрофы, в которой погиб летевший на 20-летие освобождения Белграда маршал Бирюзов и сопровождавшие его генералы, улицам возвращены имена маршала Толбухина, генерала Владимира Жданова, появилась улица маршала Сергея Бирюзова²⁷. В том же году бывший Южный бульвар переименован в Бульвар Красной армии. Обратное переименование произошло в 1997 г., когда исчезли и улицы генерала Жданова и маршала Толбухина²⁸.

Перемены, присущие переходному времени, первым затронули белградский район Врачар, в котором находились названные улицы, и который известен своей «демократической» ориентацией. Скупщина города Белграда только утверждала предложенное.

На том основании, что в свое время коммунисты, придя к власти, нарушили традиции, которым на протяжении десятилетий хранили верность старые белградцы, было решено вернуть улицам их первоначальные имена. Городские власти предложили, чтобы в старом Белград вернулась топонимика, существовавшая до 1945 г., а улицы Нового Белграда, построенного в социалистическое время, носили названия в честь персонажей и событий новейшей истории.

По незнанию, или нет, только улице Маршала Толбухина вернули не старое название Царя Николая II, а английского землеторговца Макензи, имя которого улица носила до 1930 г. Улица Генерала Жданова не стала Петра Зринского и Крсто Франкопана, как она именовалась до 1946 г. Имеются десятки примеров подобной непоследовательности, которую мы наблюдаем по сей день.

Возобновившееся общественное обсуждение проблем почитания традиций антифашистской борьбы и признания вклада союзников (СССР) в освобождение Белграда в 1944 г. привлекло внимание к практике изменения названий улиц, отсылающих к судьбоносному периоду общей истории двух народов. Установление памятников, поддержание кладбищ

и присвоение улицам имен в честь выдающихся исторических личностей, все это – только часть политики формирования исторической памяти. Ее основные направления сегодня гораздо более отчетливо проявляются в том, что пишут учебники, что говорят СМИ, и какие образы рисуют художественные фильмы и сериалы.

Мы предприняли компаративный анализ того, как в различные периоды истории Югославии и Сербии подходили к запечатлению и увековечиванию того, что должно бы восприниматься как безусловная и вневременная ценность. Увы, приходится констатировать, что у нас идеология и «политическая корректность» взяли верх над желанием с одной меркой подходить к тому, что следует почитать всегда, а именно – кровь, пролитую за свободу страны и народа, руку помощи, протянутую другом в пору тяжелейших испытаний. В год установления диктатуры короля Александра Карагеоргиевича (1929) городские власти, следуя политической конъюнктуре, назвали улицу именем его фаворита – генерала Петра Живковича. В 1943 г. его бывший противник генерал Милан Недич отменил это решение. В тени Живковича остались забытыми многие павшие герои, а также те, с кем он разделался, убрав из армии или посадив на скамью подсудимых на Салоникском процессе. Город предал память своего защитника полковника Душана Туфегджича, переименовав в 1940 г. улицу, названную в его честь. Во время войны, в период оккупации улицы лишились имен военных и политических союзников Сербии. После войны последовали идеологические чистки «неподобающих» и «не представляющих интерес» деятелей – как отечественных, так и союзнических. Вернулись немногие из названий, упраздненных оккупантами и их пособниками из числа гражданской администрации. То, что произошло с улицами, носившими имена российских и советских военных союзников Сербии, отнюдь не исключительный случай. Это лишь более яркая и драматичная иллюстрация того, как «память» корректировалась в зависимости от изменений политической конъюнктуры. После 1948 г. с карты Белграда начали исчезать улицы, названные в честь великих россиян, Красной армии и топонимов, оставивших след в истории Второй мировой войны. Не прошло и десяти лет, как началось их

возвращение, символизировавшее добрую волю и потепление отношений. После случившегося в 1964 г. трагического происшествия, унесшего жизни советского маршала и нескольких генералов – освободителей Белграда, город «вернул» им «отобранные» улицы и назвал в их честь несколько новых. В переходное время, пришедшее на 1990-е гг., в спешке пытались исправить все «несправедливости», допущенные в прошлые годы. Однако не соблюдались и новые провозглашенные критерии. Красная армия, ее маршалы и генералы снова оказались заложниками реформ²⁹. У улиц Маршала Толбухина и Генерала Жданова опять появились новые имена. А в 2004 г. мы стали свидетелями того, как едва не канула в Лету фигура маршала Бирюзова. Не без нашего участия история была спасена от забвения, и в Белграде по-прежнему есть улица его имени.

Перевод А.А. Силкина

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Поповић Н. Б.* Србија и Царска Русија. Београд, 2007; *Живанов С.* Сербская историография о русско-сербских отношениях в последнее десятилетие XX в. (1990–1998 гг.) // Россия и Сербия глазами историков двух стран. СПб., 2010. С. 285–308; *Jugoslovensko-sovjetski sukob 1948, The Yugoslav-Soviet Conflict in 1948. Zbornik radova sa naučnog skupa.* Beograd, 1999; *Штрландман В.* Балканске успомене. Београд, 2009; Ослобођење Београда 1944. Зборник радова. Београд, 2010; Срби о Русији и Русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010): Антологија. (Приредио Мирослав Јовановић) Београд, 2011; *Јовановић М.* Срби и Руси, 12–21. век: историја односа. Београд, 2012; *Тимофејев А.* Руси и Други светски рат у Југославији: утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2011. (издание на русском: *Тимофеев А.Ю.* Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945, Москва, 2010.); *Ševcova G.I.* Ruska dobrotvorna pomoć Srbiji u ratovima 1912–1917. Beograd, 2010; *Недок А., Поповић Б., Тодоровић В.* Српски војни санитар у Првом светском рату, Београд 2014; *Тимофејев А.* Руско-српска војна сарадња почетком Првог светског рата // Први светски рат, Србија, Балкан и велике силе. Београд, 2015. С.167–179.

² *Yavuz M. Hakan, Sluglett P.* (eds). War & Diplomacy. The Russo-Turkish War of 1877–1878. Utah University Press, 2010., (См.: Introduction – Laying Foundations for Future Instability. P. 1, 2, 4; См. также текст на обложке.); *Yavuz M. Hakan, Blumilsa* (eds). War and Nationalism. The Balkan

Wars, 1912–1913, and their Sociopolitical Implications. Utah University Press, 2013; *McCarthy J.* Death in Exile: The ethnic Cleansing of Ottoman Muslims. 1821–1922. Princeton N.J., 1995.

³ *Clark Christopher.* The Sleepwalkers – How Europe Went to War in 1914. London: Harper, 2012. P. 43, 71, 74, 75, 76.

⁴ *Бјелажан, М.* Провоцирање 'хуманитарне интервенције' против Србије 1913 // Балкански рат 1912/1913: Нова виђења и тумачења. Београд, 2013. С. 311–331; *Он же.* Инструментализација инструментализације – Упорно оживљавање пропагандне интерпретације о добрима и лошима на Балкану током и непосредно после Балканских ратова // Први балкански рат 1912/1913. године: друштвени и цивилизацијски смисао (Поводом ослобођења Старе Србије и Македоније 1912). Књ. I (приредио проф. др Александар Раствојић) Ниш, 2013. С. 183–203; *Он же.* 1914–2014: Зашто ревизија? Старе и нове контроверзе о узроцима Првог светског рата. Београд, 2014; *Он же.* Кому нужна ревизија историје? Старе и нове спорове о причинах первой мировой войны. М., 2015.

⁵ *Белаяц М.* Кому нужна ревизија историје... С. 246, 355.

⁶ *Clark C.* Op. cit. P. 461–464.

⁷ Die Mobilmachung der europäischen Mächte im Sommer 1914. Eduard Czegka: Serbien und Montenegro. S. 3–22, S. 12–13 // Berliner Monatshefte. Januar 1936.

⁸ *Поповић Н.Б.* Указ. соч. С. 86–87. (автор ссылається на: АС. ПО 1914. Ф-1. Дос. IX. Пов. бр. 2960 Телеграм Спалајковића Пашићу бр. 56, 24 (11) јула 1914.)

⁹ Документа о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914 (Далее – ДСПКС). Књ. VII-2. Док. 527. С. 648–649; Эта телеграмма, состоявшая из двух частей, первая и последняя принятая из Петербурга 25 июля, то есть до передачи сербского ответа на ультиматум. Первая часть принята на рассвете – в 4.17, а вторая – в 10 часов.

¹⁰ ДСПКС. Књ. VII-2. Док. 503. С. 636. На телеграмме написано: «Пов. бр. 57. 11/24. VII 1914, у 1. сат 40 мин. пре подне». Принята и зарегистрирована как «Пов. бр. 2961 11/ 24. VII 1914. у 11 сати 30 мин. пре подне». Мы полагаем, что дата вписана позднее. В ней говорится о том, о чем Спалајкович мог узнать 25 июля после обеда. Прибыть в Сербию телеграмма могла 26 июля.

¹¹ *Поповић Н.Б.* Указ. соч. С. 86 (автор ссылається на: Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917. Серия III (1914–1917). Том V. М.-Л., 1934. С. 38–39. «Особый журнал совета министров от 24 (11) июля»; ADMAE, Autriche-Hongrie, Conflit austro-serbe, vol 32, лист 153. Телеграмма посла М. Палеолога в МИД №. 283 от 25 июля 1914);

¹² Тот же документ, на который ссылается Попович, опубликован в: *Les Documents diplomatiques français 1871–1914 (Далее – DDF) 1871–1914, Troisième Série, tome XI. P. 36–37, doc. 39.* Телеграмма отправлена 25 июля в 0.45. Принята в Париже в 3.28. Мы приводим ее почти целиком.

¹³ *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания (подготовка текста, вступительная статья, примечания А.Л. Шемякина). М., 2014. С. 288.

¹⁴ DDF Том XI. Док. 50. P. 52. Получено в Париже в 19.35.

¹⁵ *Штрандтман В.Н.* Указ. соч. С. 276–277.

¹⁶ Там же. С. 300–301.

¹⁷ *Миловановић М.Ж.* Пуковник Апис, Солунски процес хиљаду деветсто седамнаесте. Нови сад, 2015. С. 560.

¹⁸ Там же. С. 556.

¹⁹ Там же. 576.

²⁰ *Ђелајац М.* Мистерија Аписовог признања и даље траје // *Миловановић М.Ж.* Указ. соч. С. VII–XXV.

²¹ *Artamonov V. A.* Erinnerungen an meine Militärattachezeit in Belgrad // *Berliner Monatshefte.* 7/8. Berlin, 1938. S. 583–602

²² *Ђелајац М.* Указ. соч. С. 132–133

²³ *Manojlović Pintar O.* Arheologija sećanja. Spomenici i identiteti u Srbiji 1918–1989. Beograd, 2014. S. 176.

²⁴ Сербские современники были особенно благодарны посланнику в Белграде Николаю Гартвику и царю Николаю II за позицию, занятую Россией во время драматичного Июльского кризиса 1914 г., а также за ультиматум, предъявленный Николаем союзникам, от которых он потребовал спасти находившуюся на албанском побережье сербскую армию.

²⁵ *Ђелајац М.* Култура сећања на савезништво у Другом светском рату кроз називе улица, тргова и спомен обележја // Ослобођење Београда 1944. године. Зборник радова. Београд, 2010. С. 493–504; *Manojlović Pintar O.* Široka strana moja rodna. Sovjetski spomenici podizani u Srbiji 1944–1955 // *Tokovi istorije.* № 1–2. Beograd, 2005. S. 135–145; *Idem.* (Ne)vidljiva mesta sećanja // *Oslobodenje Beograda 1944. godine.* Beograd, 2010. S. 545–552; *Idem.* Uprostoravanje idelogije: spomenici Drugog svetskog rata i kreiranje kolektivnih identiteta // *Dijalog povjesničara istoričara.* 10/1. Osijek 22.-25. rujna 2005. Zagreb, 2008. S. 290–292.

²⁶ С 1992 г. это Бульвар мира.

²⁷ На горе Авала в месте, где упал советский самолет, установлен впечатляющий памятник.

²⁸ Улице Генерала Жданова возвращено одно из старых названий – Ресавская, а улице Толбухина прежнее название – Макензиевская.

²⁹ *Leko M.* Ulice Beograda, Beogradske ulice i trgovi 1872–2003. Beograd 2003.